

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения

С.В. Гришачев

Аннотация. В статье анализируется послевоенное развитие взаимоотношений Японии со странами Азии. В тексте показана взаимосвязь между устойчивым развитием экономических и политических отношений и постепенным снижением остроты проблем исторического прошлого во 2-й пол. XX в. Проведен компаративный анализ послевоенных отношений Японии со странами Восточной Азии (КНР, Республика Корея, Тайвань) и Юго-Восточной Азии (прежде всего – Сингапур и Индонезия). Кроме того, затрагиваются проблемы, память о которых возникла вследствие японской оккупации Индонезии, в том числе проблема «исторической обиды» проживавших там голландцев на Японию, а также проблема детей-полукровок, рожденных местными жительницами от японских военных.

В 1980-е гг. Японию стали посещать как матери этих детей, так и сами дети. Данные поездки финансировались МИД Японии и включали официальные встречи. Примерно в то же время начались первые поездки, туры в Японию, организованные для бывших голландских военнопленных и принудительно мобилизованных на работы в Японии. В местах памяти, посещаемых ими, уже установлены знаки и стелы, символизирующие примирение по проблемам исторической памяти.

Проблема заключается далеко не только в травматических событиях истории. Немаловажную роль здесь играет и собственно развитие связей после этих событий. И возможность примирения или даже преодоления этих проблем довольно часто зависит также и от того, насколько позитивно и взаимовыгодно эти отношения развиваются далее. По прошествии времени, особенно когда сменяется несколько поколений и травматическое событие уходит в прошлое, возникают предпосылки для компромисса и примирения. И если между государствами усиливается напряженность, увеличивается и количество взаимных претензий. Если же отношения носят ровный характер, особенно на протяжении нескольких поколений, то любая обида может быть забыта или даже более того – память о ней может стать моментом примирения.

Ключевые слова: Япония, Индонезия, Голландия, японо-индонезийские отношения, японо-голландские отношения.

Автор: Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ (адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1), участник научного коллектива проекта «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии» МГИМО-Университета. ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гришачев С.В. Проблемы исторической памяти во взаимоотношениях Японии со странами Азии: попытки примирения // Японские исследования. 2024. № 2. С. 41–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of Asia: Reconciliation attempts

S.V. Grishachev

Abstract. In this article, the author analyzes the post-war development of relations between Japan and Asian countries. This work tracks correlation between sustainable development of economic and political relations, on one hand, and gradual decrease of tension connected with the issues of historical past in the second part of the 20th century, on the other hand.

The article addresses the issue of post-war relations between Japan and other Asian countries (PRC, Korea, Taiwan), as well as Southeast Asian countries (mainly Singapore, Indonesia). Besides, special attention is paid to the issues of historical memory related to the Japanese occupation of Indonesia and its consequences, specifically to the problem of the historical grievances of Dutch people towards Japan and the problem of children born to men from the Japanese military and local women.

In the 1980s, the mothers of these children and the children themselves started visiting Japan. The visits were financed by the Ministry of Foreign Affairs of Japan and included official meetings. At approximately the same time, the first trips for former Dutch POWs and those who had been forcibly conscripted to work in Japan were held. In the memorial places these people visited, memorial signs and steles were installed, which symbolized reconciliation on issues of historical memory.

Traumatic experience produced by certain historical events is not the only issue here. Development of international ties after these events is also an important factor. The possibility of reconciliation or even overcoming such problems often depends on how positively and mutually beneficially such relations develop afterwards. Over time, especially as generations change and emotions connected with these traumatic events calm down, we can see preconditions for compromises and reconciliation. On the other hand, as tension between nations increases, the number of mutual claims is also increasing. If relations develop smoothly, especially if this process goes on for several generations, any offence or claim might be left behind and memory of it might even become a source of reconciliation.

Keywords: Japan, Indonesia, Netherlands, Indonesia-Japan relations, Japan-Netherlands relations.

Author: *Grishachev Sergey V.*, PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University (21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066), member of the research team of the project "Narratives of 'historical grievances' in the official discourse and state policy of the countries of Northeast Asia", MGIMO University. ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Grishachev, S.V. (2024). Problemy istoricheskoi pamyati vo vzaimootnosheniyakh Yaponii so stranami Azii: popytki primireniya [Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of Asia: Reconciliation attempts]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 2, 41–55. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-41-55

Acknowledgements. The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 23-18-00109).

Введение

В последние несколько десятилетий актуализировались споры по вопросам, связанным с исторической памятью, особенно в связи с трагическими событиями XX в. И вполне очевидно и логично, что большинство научных исследований в этой области посвящено темам, которые по-прежнему имеют актуальность и осложняют взаимоотношения между

странами. Однако у проблем исторического прошлого разные судьбы, и ничуть не меньшее значение имеют те случаи, когда сторонам удалось найти взаимопонимание. При этом кейсам с примирительным исходом если и уделяется внимание в научной литературе, то значительно меньше, хотя именно они имеют особо актуальное значение, так как несут в себе позитивный (и в идеале – практически искомый) опыт примирения.

В этом смысле совершенно по-разному складывается история попыток примирения Японии со странами, в отношении которых она вела колониальную политику, а также проявила агрессию в годы Второй мировой войны. С ближайшими соседями – странами Восточной Азии (речь преимущественно идет о КНР и Республике Корея) – отношения по вопросам памяти складываются достаточно противоречиво, в то время как с США и со странами Юго-Восточной Азии (в частности, Сингапур и Индонезия), несмотря на все трудности, процесс происходит более успешно.

При этом важно понимать, что проблема заключается далеко не только в трагизме исторических событий как таковых. Сколь бы они ни были тяжелы и сложны, дело этим не ограничивается. Историческое прошлое – это не столько то, что произошло, сколько то, о чем рассказано будущим поколениям. Это не сами события, а осознанно сконструированная память о них. Она внедряется в общественное сознание через систему школьного образования, государственные праздники, а также художественные произведения – кинематограф, книги, мультипликацию. И эти представления о прошлом не только создаются с помощью указанных технологий, но и регулярно подвергаются изменениям. Созданные нарративы могут заново перенаполняться новыми символами и смыслами. К созданию нарративов имеют непосредственную причастность государственные элиты, поскольку у них есть своя политическая программа и задачи, в частности – свое видение того, как выстраивать взаимоотношения с другими странами, особенно с соседними.

И если отношения со странами, бывшими жертвами агрессии, у Японии складываются успешно, если они становятся внешнеполитическими партнерами, тогда со сменой нескольких поколений, постепенно уходит острота восприятия трагического прошлого. В такой ситуации для новых поколений возникают предпосылки к компромиссу и примирению. Они реализуются при наличии политической воли у элит. В такой ситуации обида может быть забыта или даже более того – память о ней может стать моментом примирения. Алейда Ассман в своей работе «Забвение истории – одержимость историей» перечисляет несколько типов забвения как стратегии формирования восприятия прошлого. Среди них выделяется конструктивное забвение, которого можно достичь лишь после проработки прошлого, что обеспечивает дистанцирование по отношению к истории ради социального мира [Ассман 2019, с. 38–58].

К сожалению, нередко, и даже чаще чем хотелось бы, ситуация складывается противоположным образом. Если по совокупности причин страны находятся в той или иной оппозиции, побеждает разность видения прошлого – две стороны формируют каждая свою версию происходящего, что приводит к войне исторических нарративов. Опять же следует подчеркнуть, что противостояние нарративов происходит не столько из трагичности событий прошлого, сколько из политической конъюнктуры текущего момента, в чем мы можем убедиться при анализе конкретных обстоятельств.

Консервативный и либеральный нарративы в Японии

Прежде чем говорить о взаимоотношениях Японии с соседними странами, следует упомянуть о разности послевоенных судеб Германии и Японии. Во-первых, в отличие от нацистской Германии, государственная система Японии не была демонтирована полностью

в 1940-х гг. Для политической элиты это означало пусть и частичное, но все же сохранение преемственности с довоенным укладом. А, во-вторых, политика осуждения милитаристского прошлого, подобная политике денацификации, проводимой как в ФРГ, так и в ГДР, в Японии не получила широкого распространения. В результате с 1980-х гг. актуализировалось создание консервативного нарратива, частью которого был образ нации-изгоя и комплекс виктимности (*хига́йся но исики*). Это мировоззрение предполагало, что японский народ так же, как и другие народы, пострадал в ходе войны, доказательствами чему служат три миллиона погибших, в том числе 800 тыс. жертв авиабомбардировок Токио и других городов весной и летом 1945 г., а также жертв атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, не говоря уже о мучениях *хибакуся*, которые продолжались многие годы и после войны. Что касается военных действий, то Япония вступила в войну под лозунгами освобождения Восточной Азии от засилья европейцев и американцев, а Токийский процесс, в рамках этого взгляда на историю, стал судом победителей – несправедливым и субъективным [Стрельцов 2016, с. 179]. Важно также и то, что именно эта точка зрения стала господствующей в обществе: видение прошлого, созданное консервативными политиками, достаточно устойчиво поддерживается в обществе.

Вместе с тем важно не забывать, что в целом японское общество после 1945 г. развивалось как общество пацифистское, где стало невозможным возрождение ультрарадикальных и милитаристских идей. Доказательством этому служит отсутствие на данный момент политических сил в парламенте, которые взывали бы к возрождению милитаристской Японии. И хотя представители консервативных кругов и совершают визиты в храм Ясукуни, тем не менее, они избегают апеллирования к откровенно милитаристской идеологии.

Кроме того, в японском обществе параллельно формировалось и иное, достаточно заметное представление о прошедшей войне, поборником которого стала прогрессивная интеллигенция, в частности – университетские преподаватели, осуждавшие довоенный курс на экспансию в Азии. Именно благодаря им в школьные программы и учебник все же попали темы, нелицеприятные для представителей консервативных кругов. Так, например, известный профессор Иэнага Сабуро на протяжении нескольких десятилетий судился с чиновниками министерства образования, доказывая факты цензуры в учебниках, связанные с освещением таких вопросов как, например, преступления в Нанкине в 1937 г. [Шулатов 2022, с. 33]

Однако взгляд на события середины XX в. в странах-соседях Японии формировался не столько в логике происходящего непосредственно в Японии, сколько в логике их собственного развития, связанной с международной обстановкой.

Надо сказать, что на международной арене извинений в той или иной форме Япония принесла немало. И если говорить о взаимоотношениях с Китаем, то проблемы, порожденные войной, были урегулированы с представителями Гоминьдана при заключении Тайбэйского договора в 1952 г., а спустя двадцать лет, – при установлении дипломатических отношений с КНР. В сентябре 1972 г. во время визита К. Танака в Пекин и по итогам его беседы с Мао Цзэдуном было подписано Совместное коммюнике, в котором говорилось об осознании Японией своей ответственности за огромный ущерб и выражалось чувство глубокого осознания того вреда, который был нанесен китайскому народу. В ответ китайская сторона, как было сказано, в интересах дружбы отказывалась от требований о военных репарациях¹. Таким образом, отказ от претензий по возмещению ущерба, связанного с войной, был зафиксирован официально, и абсолютно понятно, что это было связано с политическими обстоятельствами.

¹ Нихонкоку сэйфу то тю:ка дзиммин кё:вакоку но кё:до сэймэй [Совместное коммюнике правительства Японии и правительства КНР]. https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/nc_seimei.html (дата обращения 20.05.2024.)

В конце 1980-е – 1990-е гг. Япония начинает проводить достаточно осознанную политику извинений. Это было связано, во-первых, с благоприятной внешнеполитической конъюнктурой на тот момент, когда между КНР и Японией наблюдалось сближение и интенсивное развитие экономических связей. Кроме того, на определенное время в политическом руководстве Японии возобладала точка зрения, что политика извинений поможет укрепить отношения с соседними странами. Так, например, Хосокава Морихиро первым начал говорить об агрессивных действиях Японии в годы войны, а самым известным жестом стало заявление Т. Мураяма. В своей речи 15 августа 1995 г. по случаю 50-летней годовщины окончания войны он высказал твердую уверенность в стремлении не допустить повторения ужасного прошлого².

Но в дальнейшем политические обстоятельства стали складываться не очень удачно. В Европе ближе к концу прошлого столетия примирение по вопросам истории происходило на фоне интеграции, приведшей к образованию Евросоюза, поэтому примирительное видение проблем XX в. здесь, несмотря на множество сложностей, формировалось значительно легче [Ассман 2018, с. 164–167]. В условиях транснациональной многоуровневой общеевропейской интеграции, странам-виновницам значительно легче было преодолеть бремя исторической ответственности. Что же касается Восточной Азии, то здесь, несмотря на глубокую экономическую интеграцию, примирения пока не происходит.

И несмотря на ряд усилий, все же фундаментального пересмотра сложившегося порядка не произошло. Идентичности в странах Восточной Азии построены с упором на самостоятельность и собственную особость и исключительность. С одной стороны, это следствие исторической традиции, когда государства региона старались ощущать себя таким же культурным центром в похожей форме, как и Китай. С другой стороны, этому поспособствовала логика холодной войны, в которой формировались послевоенные идентичности в регионе: блоковая принадлежность и разность государственных идеологий не могли сблизить понимание прошлого в отношениях Японии и КНР. Так или иначе, идентичности стран Восточной Азии не имеют четко выраженного вектора инклюзивности и региональной интеграции. Политики – в какой бы из стран Восточной Азии они не осуществляли свою деятельность – уже не смогут или не захотят кардинально поменять эти основы без риска для своих карьер, поэтому в обозримом будущем следует ожидать дальнейшее укрепление имеющихся идентичностей и элемент конфронтационности здесь будет задействован со всех сторон. Как следствие, взгляд на разное понимание событий XX в. будет лишь усугубляться.

Кроме того, на процесс оказывает влияние специфика современного развития самих стран Восточной Азии.

Историческая память во взаимоотношениях Японии с КНР и Республикой Корея

Взаимоотношения Японии со странами Восточной Азии после Второй мировой войны формировались в непростых условиях холодной войны и конфронтации двух систем, что в дальнейшем наложило свой отпечаток на восприятие ими прошлого. Главным образом это относится к контактам с КНР.

В связи с этим приходится отметить парадоксальное на первый взгляд обстоятельство. С момента своего создания и на протяжении 1950-х – 1970-х гг. руководство КНР не выдвигало претензий в адрес Японии, связанных с вопросами агрессии в годы войны. Свою роль играло

² Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End, August 15, 1995 // Ministry of Foreign Affairs of Japan official website. <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (дата обращения: 20.05.2024).

нежелание лишней раз раздражать Токио: цель КПК заключалась в том, чтобы вырваться из дипломатической изоляции и получить признание западных стран, и в том числе самой Японии.

В коммунистическом Китае в этот период руководство страны высказывалось в том духе, что японский народ не виноват в зверствах военных и что он стал жертвой клики милитаристов. Касательно извинений, в период установления отношений с Японией Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявляли, что за агрессию несет ответственность группа военных преступников, а не собственно японский народ [Onuma 2002, p. 601]. Основным же соперником в этот период считался Гоминьдан, считавшийся главным классовым врагом.

Существенные изменения в политике исторической памяти и идеологии в КНР стали происходить с конца 1980-х гг. В школьном и университетском образовании постепенно происходит сдвиг, уход от компонента классового в сторону компонента националистического. Все чаще проводятся кампании патриотического воспитания среди населения, и теперь в школьных учебниках при оценке исторической роли КПК упор больше делается на противостояние с японским империализмом. На рубеже XX–XXI вв. все больше актуализируются в общественном сознании проблемы и события, связанные с японской агрессией: оккупация Маньчжурии и создание Маньчжоу-Го, Нанкинская резня, унесшая жизни сотен тысяч китайцев, проблема женщин для утешения и др. Эти факты становятся частью вновь формируемого *нарратива столетия унижения*. В КНР так обозначается период от начала первой Опиумной войны в 1839 г. до провозглашения КНР в 1949 г., на протяжении которого, как считается, Китай противостоял захватам и унижениям со стороны западных держав и Японии.

Растет количество мест памяти, связанных с событиями 1930-х – 1940-х гг. Например, Мемориал жертвам Нанкинской резни, расположенный в Нанкинском районе Цзяндунмэнь и построенный в 1985 г., был значительно расширен и перестроен в 1995 г. Здесь находится одно из захоронений – братская могила погибших, которая усыпана галькой, символизирующей невозможность сосчитать жертв тех событий. Еще одним примером является построенный в 1987 г. Мемориальный музей антияпонской войны китайского народа, расположенный в Пекине неподалеку от моста Марко Поло. И количество мест памяти только увеличивается.

Помимо внутривластного аспекта коллективной памяти, не способствующего сближению, в последнее время все большее значение приобретает и внешнеполитический, а именно – нарастание новой конфронтации между КНР и США. С последними Япония имеет союзнические отношения, что также оказывает свое влияние на японо-китайские отношения.

В Республике Корея отношение к прошлому, связанному с японским присутствием, складывалось в достаточно противоречивых условиях и чаще всего зависело от позиции ее политического руководства. В годы правления Ли Сын Мана диалог между двумя государствами не выстраивался в значительной степени из-за непримиримой позиции президента. С приходом к власти Пак Чжон Хи ситуация стала меняться. В 1965 г. был заключен мирный договор и установлены дипломатические отношения. Корейская сторона приняла устные извинения, исходившие от министра иностранных дел Э. Сиина. Хотя часть южнокорейского общества осуждала действия Пак Чжон Хи, считая его предателем, пошедшим на унижительную сделку с Японией. При этом важно понимать, что прагматика текущего момента влияла на политический выбор. Дело в том, что в дополнение к договору Япония предоставила существенные кредиты на развитие экономики, что положительно сказалось на развитии неокрепшей южнокорейской экономики. На полученные от Японии средства южнокорейское правительство основало в 1968 г. крупную металлургическую компанию, построило плотину Соан на реке Хан, а годом позднее – скоростную автомагистраль Кенбу. Эти и другие сооружения в дальнейшем имели важное значение в обеспечении южнокорейского экономического чуда. [Стрельцов 2022, с. 211]

В дальнейшем, несмотря на иногда возникавшие дипломатические скандалы между двумя странами, проблемы исторической памяти во взаимоотношениях с Японией в 1960-е – 1980-е гг. на правительственном уровне еще не поднимались. После же начала процессов демократизации в конце 1980-х гг. в Республике Корея намного большее значение стало придаваться патриотическому воспитанию. В тот же период прошлое стало мощным электоральным ресурсом, который стал использоваться не столько во внешне-, сколько во внутривластной повестке. Южнокорейские политики для достижения успеха на выборах стали все больше задействовать данную проблематику – призыв корейцев в японскую армию в годы войны, принуждение корейских женщин к сексуальному рабству и т.д.

Ярким примером такого подхода стала нарочито антияпонская линия пришедшей к власти в 2012 г. президента Республики Корея Пак Кын Хе. Ее отец, президент Пак Чжон Хи подписал с Японией договор 1965 г., который, как было отмечено, оппозиция позднее сочла соглашательским, не учитывающим всех интересов страны. Поэтому дабы изменить подобную репутацию, Пак Кын Хе была вынуждена делать жесткие заявления и демонстрировать непримиримость по отношению к Японии.

Политический маятник в Республике Корея имеет свойство менять свое направление на противоположное, поэтому и скандалы, связанные с перечисленными историческими проблемами, перемежаются волнами взаимного примирения. Так, например, приход к власти нынешнего президента Юн Сок Ёля положительно сказался на двусторонних отношениях. По итогам встречи с Ф. Кисида в марте 2023 г., наряду со снятием некоторых противоречий в вопросах экономики и безопасности, был достигнут определенный компромисс по проблеме компенсаций корейцам, мобилизованным в годы войны и вынужденным работать на принудительных работах. Фактически японские компании, признанные корейским судом в 2018 г. виновными в использовании принудительного труда – Ниппон Стил и Мицубиси Хэви Индастриз, – все же не будут обязаны участвовать в возмещении ущерба³.

Разумеется, эта мера заведомо не может быть популярной среди электората, и оппозиция за нее довольно сильно критикует президента. Однако в данной ситуации очередной раз видно, что смягчение остроты вопросов исторической памяти находится в непосредственной зависимости от воли политиков⁴.

Таким образом, важно отметить, что претензии соседей в адрес Японии, связанные с военным и колониальным прошлым, долгое время не выходившие в публичную плоскость, на рубеже XX–XXI вв. стали отчетливо выноситься в повестку межгосударственных отношений. И эскалация этих вопросов, и попытки их решения напрямую связаны не с трагедиями, произошедшими много десятилетий назад с конкретными людьми, а с политической целесообразностью для нынешних политиков. В случае с КНР свою роль

³ В 2018 г. жертвы принудительной мобилизации обратились в Верховный суд г. Сеула с требованием выплаты компенсаций японскими компаниями *Ниппон стил* и *Мицубиси хэви индастриз*, на предприятиях которых они работали в годы войны. Суд постановил удовлетворить данные иски. Однако нынешнее соглашение между Республикой Кореей и Японией делает выполнение этого решения не обязательным. Вместо этого ожидается, что ряд южнокорейских компаний внесут определенную сумму в фонд, специально создаваемый для выплат жертвам принудительного труда. По этому же решению, японские компании могут поучаствовать в финансировании данного фонда, только если у них возникнет подобное желание.

⁴ Emma Baldi. South Korea's Plan to Compensate Victims of Forced Labour Employed in Japanese Factories During Colonial Rule: A Step Forward for Peaceful Relations, but not for Victims' Rights. May 5, 2023. // EJIL: Talk. Blog of the European Journal of International Law. <https://www.ejiltalk.org/south-koreas-plan-to-compensate-victims-of-forced-labour-employed-in-japanese-factories-during-colonial-rule-a-step-forward-for-peaceful-relations-but-not-for-victims-rights/> (дата обращения 20.05.2024.)

Lee Minji. Main opposition slams Korea-Japan summit as 'most humiliating' moment in diplomacy. March 17, 2023. // Yonhap News Agency. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230317003600315?section=news> (дата обращения: 20.05.2024.).

играет государственная идеология, претерпевшая изменения, дрейф от коммунистического компонента к националистическому, а также неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура, где Япония не является союзником Китая. В случае с Республикой Корея отношения развиваются разнонаправленно, и примирение или ухудшение зависит от того, какой направленности политик приходит в данный момент в кресло президента.

Успешные попытки примирения Японии: США и Тайвань

Если обратиться к позитивным кейсам, то здесь необходимо сказать о развитии взаимоотношений Японии с США и Китайской Республикой (Тайванем). Длительный тренд на послевоенное сближение Японии с США привел к тому, что взаимные претензии, связанные с историей войны на Тихом океане, порой уже не воспринимаются так остро, как прежде. Ближе к концу XX в. стало возможным говорить даже о некотором преодолении наследия той войны и усилении акцента на совместное понимание трудно пережитого исторического прошлого. Это находит конкретное воплощение в знаковых политических актах, например, непрекращающихся извинениях перед бывшими американскими военнопленными со стороны японских фирм и организаций⁵.

С противоположной стороны также видны символы примирения, и связаны они с посещением города Хиросимы американскими политиками. Со временем статус посещающих этот город становился все более значимым. В 1983 г. в Хиросиму приезжал Дж. Картер, однако на тот момент он был уже президентом в отставке. В 2010 г. в День памяти жертв бомбардировки город официально посетил посол США в Японии Джеймс Рус. И, наконец, в 2016 г. во время официального визита в Японию город посетил действующий президент США Барак Обама. После визита в Хиросиму он выступил перед японскими и американскими военными на авиабазе в г. Ивакуни с речью, в которой говорил о преодолении болезненных разногласий между странами, которые когда-то были врагами, но стали не только партнерами, но и друзьями⁶.

В ответ Абэ Синдзо предпринял не менее значимый символический визит. 27 декабря того же 2016 г. он посетил Гавайские острова, в частности – мемориал, возведенный над местом затопления линкора «Аризона», где также выступил с речью, в которой говорил о снисхождении к бывшему противнику ради достижения примирения⁷.

Наблюдатели отметили, что ни тот, ни другой политик не принесли извинений. Однако совершенно очевидно, что символика происходящего не исключает подобного в будущем.

Что не менее важно, появляются попытки нового художественного переосмысления пережитого. Память о японских издевательствах над военнопленными нашла отражение в таких фильмах, как, например, «Мост через реку Квай» режиссера Дэвида Лина и других. Однако в последнее время все чаще появляются фильмы, в которых показана неоднозначность

⁵ Несмотря на то, что с момента окончания войны прошло много лет, практика этих извинений продолжается по сей день. Компания «Мицубиси» в 2015 г., в преддверии семидесятой годовщины окончания Второй мировой войны, принесла извинения одному из двух ныне живущих бывших американских военнопленных – 94-летнему Джеймсу Мерфи, трудившемуся на рудниках компании. См: Мицубиси извинилась за рабский труд во время войны. *Euronews*. 20 июля 2015. <https://ru.euronews.com/2015/07/20/mitsubishi-apologises-for-wwii-forced-labour> (дата обращения 20.05.2024).

⁶ Remarks by President Obama to U.S. and Japanese Forces in Iwakuni, Japan. *The White House*. – May 27, 2016. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/05/27/remarks-president-obama-us-and-japanese-forces-iwakuni-japan> (дата обращения 20.05.2024).

⁷ The Power of Reconciliation: Address by Prime Minister Shinzo Abe // Prime Minister of Japan and His Cabinet. December 27, 2016. http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201612/1220678_11021.html (дата обращения 20.05.2024).

поступков и мыслей некоторых японских солдат и офицеров в войне против западных союзников. В этих фильмах можно наблюдать снисходительное и даже сочувственное отношение к противнику. Ярчайшими примерами такого подхода можно назвать фильм 2006 г. «Письма с Иводзимы» Клинта Иствуда, а также фильм 2014 г. «Несломленный» – режиссерская работа Анджелины Джоли⁸.

Частично подобный процесс можно наблюдать и во взаимоотношениях Японии с Тайванем. Как уже было сказано выше, сразу после Второй мировой войны Япония, став союзником США, подписала договор с Китайской Республикой в 1952 г. Режим Чан Кайши в это время нуждался в международной поддержке, поэтому претензий за ущерб в годы войны Японии не выдвигалось. В логике все того же биполярного противостояния Тайваню нужны были хорошие отношения с немногочисленными союзниками в регионе. И, хотя с начала 1970-х гг. дипломатические отношения Тайваня с Японией прекратились, экономические отношения продолжали успешно развиваться. Поэтому вопросы, связанные с исторической памятью, фактически никогда не выводились на уровень японо-тайваньских претензий.

Безусловно, государственная политика укрепления национального самосознания на Тайване использовала в том числе и антияпонский элемент: в учебниках по истории большое внимание уделялось противостоянию тайваньцев японской агрессии в Китае и на самом Тайване. Но это использовалось только во внутренней повестке. В последнее десятилетие в соответствии с ориентацией той или иной политической партии вопросы исторической памяти поднимаются кандидатами на пост президента. Кандидаты от партии Гоминьдан как партии, ориентирующейся на сближение с КНР, акцентируют внимание на отрицательных моментах японского колониального прошлого. А сторонники автономии Тайваня, члены Демократической прогрессивной партии (ДПП), наоборот, подчеркивают позитивность японского присутствия, вспоминая проведенную японцами модернизацию острова. Кандидаты на пост президента от ДПП, будучи сторонниками этого курса, в последнее время все чаще одерживают победу на выборах. В их числе и бывший президент Цай Инвэнь, которая была избрана в 2016 г. и переизбрана на второй срок в 2020 г. (срок ее полномочий истек в 2024 г.).

Показательна в этом смысле фигура первого избранного президента Тайваня – Ли Дэньхуэя. Он родился на Тайване, до 22 лет носил японское имя, получил образование в Императорском университете в Киото. С 1944 г. он служил в японской армии и даже считал себя настоящим японцем. Ли способствовал тому, чтобы на острове поддерживалось благоприятное отношение к японскому периоду. Позитивно оценивая колониальное прошлое, он утверждал, что Японии сейчас не нужно извиняться за военную агрессию. Ли продолжил слыть японофилом и после отставки. Так, в 2007 г. он нанес частный визит в Японию и посетил храм Ясукуни, где хранится табличка с именем его родного брата, воевавшего в японской армии и погибшего в 1945 г. [Перминова 2022, с. 126].

Другим фактом, подтверждающим наличие примирения по поводу событий японского колониального прошлого, стала установка в 2011 г. в г. Тайнань памятника Хатта Ёити – японскому инженеру, который наладил на острове систему водоснабжения. В 2017 г. статуя была обезглавлена сторонниками объединения Тайваня, но в течение нескольких месяцев памятник был восстановлен и заново открыт в присутствии потомков Хатта.

⁸ Тема травматического прошлого присутствует даже в фантастических и приключенческих фильмах. В этой связи примечательно отметить фильм режиссера Джордана Вот-Робертса «Конг: Остров черепа», вышедший на экраны в 2017 г. Реалии этого фильма разворачиваются на одном из островов в южной части Тихого океана, на берег которого в 1944 г. одновременно попадают американский и японский летчик. Лейтенант Хэнк Марлоу и пилот Гумпэй Икари вскоре перестают враждовать и пытаются выжить совместными усилиями и даже пытаются построить из обломков своих самолетов лодку, чтобы выбраться с острова.

Таким образом, мы видим, что в целом на Тайване сохраняется примирительная позиция по отношению к японскому наследию, хотя эта проблематика порой актуализируется в соответствии с колебаниями политического маятника.

Восстановление отношений Японии со странами ЮВА: Сингапур и Индонезия

В отличие от КНР и РК, послевоенные отношения между Японией и странами Юго-Восточной Азии развивались относительно стабильно. События времен войны, конечно, сказывались на двустороннем диалоге. Так, например, японская армия оставила о себе тяжелые воспоминания в связи с т.н. Резней Сук Чинг – систематическом преследовании и уничтожении китайцев в Сингапуре весной 1942 г., в ходе которого по разным оценкам погибло несколько десятков тысяч человек. Многих из этих китайцев подозревали в симпатиях к Гоминьдану. Гонениям подверглись и те, кто участвовал в управлении Сингапуром при англичанах. Именно это систематическое преследование породило в целом негативное представление о японцах среди китайцев Сингапура не только после войны, но и в последующие десятилетия. Однако в отношении других стран японцы заняли менее агрессивную позицию и даже начали создавать и поддерживать политические и военные структуры с участием представителей тех азиатских народов (в частности, малайцев и индусов), чья деятельность была направлена против британских колониалистов: Индийскую национальную армию, Временное правительство свободной Индии, Всемалайскую индийскую лигу и др.

Память о том времени могла остаться после войны только трагической, однако в дальнейшем ряд обстоятельств сложился в пользу быстрого восстановления отношений. Во-первых, виновники военных преступлений были осуждены и наказаны в ходе послевоенных трибуналов. Кроме того, не стоит забывать, что японское присутствие в Сингапуре и Индонезии хотя и было драматичным, в сопоставлении с материковым Китаем все же длилось заметно меньше – с 1942 по 1945 гг. Для сравнения: колониальное присутствие в Китае началось с 1905 г., оккупация той же Маньчжурии началась в 1933 г., а полномасштабная война против Китая продлилась целых 8 лет (1937–1945). Колониальное присутствие в Корее продлилось также несколько десятилетий. И если в Корее японцы воспринимались как колонизаторы, то в Юго-Восточную Азию они пришли под лозунгом «Азия для азиатов».

Во-вторых, Япония стала довольно интенсивно прилагать усилия по восстановлению отношений со странами Юго-Восточной Азии уже в 1950-е гг. Вскоре после подписания Сан-Францисского договора и признания вердиктов всех военных трибуналов в отношении военных преступников Япония вышла из состояния оккупации, добилась вступления в ООН и активно включилась в процесс оказания экономической помощи странам ЮВА. В частности, в 1957 г. премьер-министр Киси Нобусукэ совершил поездку по шести странам региона и высказал идею создания Азиатского фонда развития – финансовой структуры, чья деятельность была направлена на финансовое содействие развитию экономик азиатских стран.

Наконец, в-третьих, в отличие от Восточной Азии, где bipolarность холодной войны проявилась с особой драматичностью, регион Юго-Восточной Азии подобное противостояние, за исключением Вьетнама, коснулось в значительно меньшей степени. Созданная в 1967 г. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии делала своим приоритетом экономическое развитие. Руководство многих стран региона не желало политизации регионального сотрудничества.

В 1950-е – 1960-е гг. Японии удалось урегулировать фактически со всеми странами региона вопросы оценки ущерба и определить объем финансовой и экономической помощи. Первыми были достигнуты соглашения с Бирмой (1954), Филиппинами (1956) и Индонезией

(1958). В дальнейшем подобные соглашения были подписаны с Таиландом, Малайзией, Сингапуром и даже Южным Вьетнамом. Япония со временем заняла одно из ведущих мест в программе ОПР, ставшей дополнением к послевоенным репарациям: странам Азиатско-Тихоокеанского региона стала регулярно предоставляться помощь в виде льготных займов и грантов [Ковригин 2012 с. 10].

Благотворно на отношениях Японии со странами Юго-Восточной Азии сказалось и дальнейшее сотрудничество, в частности – перевод японских предприятий и размещение производств на их территории. В течение почти тридцати лет (1960-е – 1990-е гг.) японские автомобильные корпорации осуществили более 400 инвестиционных вложений в экономики стран ЮВА, а к концу XX в. доля японской ОПР в экономике стран АСЕАН составила около 20% [Колдунова 2021, с. 107]⁹.

В частности, успешно развивались и развиваются экономические отношения с Сингапуром, особенно после обретения им независимости. В 1962 г. начались переговоры, а в 1967 г. было достигнуто соглашение, по которому Японией выплачивалась сумма 50 млн долларов в виде компенсации. Как и в случае с Республикой Кореей и КНР, эти деньги оказались очень нужны Сингапуру в период модернизации экономики, на которую требовались колоссальные средства. В следующем десятилетии Япония стала крупнейшим иностранным инвестором Сингапура.

В отличие от граждан КНР и Республики Кореи, жители стран Юго-Восточной Азии меньше склонны вспоминать проблемы исторического прошлого. Как отмечают аналитики сингапурского Института исследований Юго-Восточной Азии, в 2019–2021 гг. Япония предстает в этом регионе страной, которой из внешних партнеров в АСЕАН доверяют больше всего [Колдунова 2021, с. 114].

Результаты социологических опросов, проведенных в Сингапуре, показывают, что в целом восприятие японцев в стране остается положительным, хотя и с некоторыми нюансами. 44% опрошенных оценивают отношения с Японией как дружественные, а 52% – до некоторой степени дружественные. При этом 53% сингапурцев, опрошенных накануне 73-й годовщины начала японской оккупации, высказались в том духе, что Япония заслуживает доверия, однако с некоторыми оговорками¹⁰.

Таким образом, пример развития послевоенных отношений между Японией и Сингапуром показывает, что принесение извинений, выплата репараций и устойчивое экономическое развитие на протяжении нескольких поколений приводят к тому, что трагические события прошлого хотя и не забываются, все же не воспринимаются так же остро, как прежде. В результате по отношению к современной Японии в регионе формируется устойчивый позитивный образ.

Послевоенные взаимоотношения Японии с Индонезией развиваются динамично, однако вопросы исторической памяти здесь необходимо рассматривать в более широком контексте. На момент оккупации Индонезия являлась колонией Голландии, а потому проблемы, связанные с наследием Второй мировой войны, касаются не только граждан современной Индонезии, но и проживавших там в годы войны голландцев, а также детей от смешанных браков, возникших в период японской оккупации.

Японская оккупация Индонезии началась весной 1942 г. и продлилась более трех лет. Японские войска вошли в Индонезию под лозунгом создания «Сферы сопроцветания

⁹ При этом важно заметить, что не меньшую по объему помощь по линии ОПР Япония оказывала экономике КНР, однако руководство страны старалось не афишировать этот факт среди своего населения, что вызывало раздражение японских политиков и в итоге привело к решению о сокращении подобных инвестиций. Подробнее см: [Ковригин 2012, с. 21].

¹⁰ Michishita N. Japan, Singapore, and 70 years of post-war ties. February 11, 2015. *The Straits Times*. <https://www.straitstimes.com/opinion/japan-singapore-and-70-years-of-post-war-ties> (дата обращения 20.05.2024).

Восточной Азии», что предполагало ликвидацию власти европейцев, в данном случае – голландцев. Японцы изначально стали делать ставку на проживавших в стране голландцев смешанного происхождения, *индиши* (или т.н. индонезийских голландцев – лиц, рожденных от смешанных браков между голландцами и индонезийцами). Японские оккупационные власти надеялись, что представители этой части индонезийского общества позитивно воспримут новые порядки и будут сотрудничать с ними.

В целом хотя индонезийские голландцы и не являлись чистокровными голландцами, они имели полноценный статус европейца, если их отец-голландец признавал их как своих детей [Buchheim 2015, p. 107]. Некоторая часть *индиши* тем не менее стала сотрудничать с японскими властями. Более того, часть женщин, имевших смешанное голландско-индонезийское происхождение, вступала в интимные отношения с японскими мужчинами. Некоторые из них соглашались на это вынужденно, под давлением обстоятельств, однако немало было и случаев обоюдного согласия. В результате таких отношений родилось достаточно много детей. Пары обычно встречались наедине, их редко видели вместе на публике, так как такие отношения встречали неодобрение, со стороны как голландской общины, так и японских военных властей.

Дети от таких квазибрачных союзов обычно не регистрировались, однако есть предварительные оценки их числа, которое варьируется от 800 до 8000 [Buchheim 2015, p. 108]. Судьбы этих людей в дальнейшем стали одной из тем, обсуждаемых в трехстороннем периметре в контексте проблем послевоенной памяти.

Дипломатические отношения между Японией и Голландией были восстановлены в 1952 г. Взаимные претензии были урегулированы соглашением С. Ёсида и Д. Стиккера, подписанным в 1956 г. По этому соглашению Япония выплатила 10 миллионов долларов в качестве компенсации за ущерб, нанесенный войной и оккупацией. Выплаты были проведены порядка 90 000 гражданам Голландии, подвергшимся заключению в лагерях для интернированных. Сообщество индонезийских голландцев, проживающих в Голландии, было недовольно этим соглашением, поскольку оно не учитывало их интересы и, в отличие от чистокровных голландцев, не предусматривало никаких компенсаций для них.

В 1980-е гг. было создано несколько общественных организаций, которые требовали компенсации за ущерб во время войны для голландцев. Первой такой организацией стал Фонд бывших жертв японского плена и их родственников (EKNJ). Его создал Дольф Винклер, который был мобилизован на принудительные работы на железной дороге в Бирме, а также в угольных рудниках г. Мидзумаки уже непосредственно в Японии. В 1985 г. он впервые посетил Японию после войны, после чего выдвинул идею возведения памятника или памятного знака в г. Мидзумаки. Организованный им фонд стал осуществлять регулярные поездки в Мидзумаки, а через некоторое время к финансированию этих поездок начало присоединяться и японское правительство.

В 1994 г. был создан фонд, название которого можно перевести как «Фонд японских долгов чести»¹¹. Фонд организовывал митинги перед японским посольством, добиваясь компенсации за принудительный труд. Японские дипломаты в какой-то момент начали диалог с этим обществом, предложив части его членов возможность совершить поездки в Японию. Были и другие организации, которые добивались справедливых выплат от японских властей.

С 1986 г. начались первые поездки в Японию, организованные для бывших интернированных и военнопленных, пострадавших от японской оккупации. Ряд общественных деятелей и в Японии, и в Голландии организовали поиск отцов для тех, кто был рожден в результате сожительства индонезийских голландок и японцев в годы войны.

Наиболее известный пример такого волонтерства – Йоко Хёйс-Ватануки. Это гражданка Японии, которая вышла замуж за голландца и последние 30 лет проживает в Голландии.

¹¹ SJE (нидерл. – Stichting Japanse Ereschulden, англ. – Foundation of Japanese Honorary Debts).

Она помогает гражданам Нидерландов, рожденным в годы войны от смешанных японо-индонезийских союзов, найти своих родственников в Японии¹².

Японию стали посещать как матери этих детей, так и их дети. Данные поездки финансировались МИД Японии и включали официальные встречи. Чаще всего путешествия начинались с г. Мидзумаки, в окрестностях которого находились шахты, где в годы войны трудились на принудительных работах голландцы. Затем эти же группы вывозились в Хиросиму и Нагасаки к мемориалам мира.

Заключение

Наличие проблем, связанных с исторической памятью, является показателем не столько случившейся некогда трагедии, сколько неустроенности двусторонних отношений, развивающихся уже после окончания конфликта. Эти проблемы актуализируются, если между сторонами по тем или иным причинам возникает конфронтация, а двусторонние отношения на протяжении нескольких поколений находятся в состоянии хронического конфликта. И, наоборот, ситуация стабилизируется, если государства идут по пути сближения, и политические элиты видят целесообразным примирение или даже забвение травматического прошлого. Опыт отношений Японии со странами, пострадавшими от ее политики, показывает, что произошедшую некогда трагедию можно преодолеть только при условии, если в дальнейшем отношения между бывшей страной-агрессором и бывшей страной-жертвой будут развиваться бесконфликтно на протяжении нескольких поколений. Историческое прошлое – это не только и не столько сами события, сколько отношение к ним и рассказ о них будущим поколениям, который и формирует память как таковую.

Япония во взаимоотношениях со странами-соседями по Восточной Азии прошла уже несколько периодов. К концу XX в., несмотря на ряд усилий, решительного движения к взаимному примирению и забвению все же не случилось. Идентичности в странах Восточной Азии, построенные с упором на собственную особость, не пришли к инклюзивному пониманию прошлого, как это случилось в Европе, и проявляют себя скорее в противопоставлении, нежели в сопоставлении. Кроме того, растущая внешнеполитическая напряженность в регионе и разность государственных идеологий обостряют понимание исторического прошлого, как это происходит в отношениях Японии и КНР. В отношениях между Японией и Республикой Корея есть элемент примирения, однако его развитие или торможение довольно сильно зависят от результатов выборов и позиции политических элит, находящихся в данный момент у власти в обеих странах.

Меньший драматизм, но ту же динамику, что и в Республике Корея, сохраняют отношения Японии с Китайской Республикой (Тайвань). Кандидаты от партии Гоминьдан как партии, ориентирующейся на сближение с КНР, акцентируют внимание на отрицательных моментах японского колониального прошлого. А сторонники автономии Тайваня, члены Демократической прогрессивной партии (ДПП), наоборот, скорее подчеркивают позитивность японского присутствия, вспоминая проведенную японцами модернизацию острова.

Отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии развиваются более позитивно, и усилия по взаимному примирению здесь более заметны. Это связано с тем, что японское военное присутствие в них было значительно короче по времени, и с тем, что послевоенная экономическая помощь этим странам начала поступать уже в 1950-е гг. Руководство многих стран региона старалось избежать политизации регионального сотрудничества в условиях

¹² Oita woman helps Japanese Dutch, born in WWII, trace their roots. Dec 4, 2023. The Japan Times. <https://www.japantimes.co.jp/news/2023/12/04/japan/society/wwii-japanese-dutch-in-indonesia/> (дата обращения 20.05.2024).

биполярного мира и уделяло больше внимания экономическому развитию. Например, для таких стран, как Сингапур и Индонезия, сотрудничество с Японией стало одним из факторов их устойчивого развития, что в свою очередь способствовало снижению остроты проблем исторической памяти на двусторонней повестке.

Примирительные тенденции наблюдаются и во взаимоотношениях Японии с Голландией, чьей колонией накануне войны была Индонезия. Ряд общественных деятелей, как Японии, так и Голландии, организовали поиск японских отцов для тех, кто был рожден в годы оккупации в отношениях между японцами и женщинами голландско-индонезийского происхождения. В 1980-е гг. эти люди, будучи уже взрослыми, стали разыскивать своих отцов-японцев, в чем им помогали многие японские волонтеры. Примерно в это же время начались первые поездки, туры в Японию, организованные для бывших голландских военнопленных и принудительно мобилизованных на работы в Японии, с примирительной миссией. В местах памяти, посещаемых ими, уже установлены знаки и стелы, символизирующие примирение по проблемам исторической памяти. Таким образом, степень примирения существенно отличается в зависимости от страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. – Москва: НЛЮ. 2019.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – Москва: НЛЮ. 2018.
- Ковригин Е. Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. с. 9–33.
- Колдунова Е. В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX–XXI в.: опыт для России // *Японские исследования*. 2021. № 3, с. 102–116. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116
- Перминова В. А. Японское колониальное наследие на Тайване как проблема исторического прошлого // *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями*. – Москва: Аспект-пресс. 2022. С. 119–160.
- Стрельцов Д. В. Особенности идентичностей Советского Союза и Японии в послевоенный период (1945—1991) // *Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие)*. – Москва: Международные отношения. 2016. С. 178–194
- Стрельцов Д. В. «Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии // *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями*. – Москва: Аспект-пресс. 2022. С. 207–238.
- Шулатов Я. А. Япония. // *Память о Второй мировой войне за пределами Европы*. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2022. С. 28–56.

REFERENCES

- Assman, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Past]. Moscow: NLO. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Forgetting History – Obsession With History]. Moscow: NLO. (In Russian).
- Koldunova, E.V. (2021). Fenomen transformatsii otnoshenii Yaponii i stran Yugo-Vostochnoi Azii vo vtoroi polovine XX–XXI v.: opyt dlya Rossii [Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the XX–XXI centuries: experience for Russia].

- Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 102–116. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-3-102-116
- Kovrigin, E.B. (2012). Yaponiya – Kitai: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodeistviya [Japan – China: Official Development Assistance as a Tool of Economic Interaction]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 3, 9–33. (In Russian).
- Perminova, V.A. (2022). Yaponskoe kolonial'noe nasledie na Taivane kak problema istoricheskogo proshlogo [Japanese Colonial Legacy in Taiwan as a Problem of Historical Past]. In: Streltsov, D.V. (Ed.). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries] (pp. 119–160). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Shulatov, Y.A. (2022). Yaponiya [Japan]. In: *Pamyat' o Vtoroi mirovoi voine za predelami Evropy* [Memory of the Second World War Outside Europe] (pp. 28–56). Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2016). Osobennosti identichnostei Sovetskogo Soyuza i Yaponii v poslevoennyi period (1945–1991). [Peculiarities of the Identities of the Soviet Union and Japan in the Post-War Period (1945–1991)] In: *Russkaya i yaponskaya tsivilizatsii. Istoricheskii analiz stanovleniya i razvitiya natsional'nykh identichnostei (skhodstvo i razlichie)* [Russian and Japanese Civilizations. Historical Analysis of Formation and Development of National Identities] (pp. 178–194). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2022). «Diplomatiya izvinenii» v otnosheniyakh Yaponii so stranami Vostochnoi Azii [“Diplomacy of Apologies” in Japan's Relations With the Countries of East Asia]. In: Streltsov, D.V. (Ed.), *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries] (pp. 207–238). Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

* * *

- Buchheim, E. (2015). Enabling Rememberence. Japanese-Indish Descendents Visit Japan. *History and Memory*, 27 (2), 104–125.
- Onuma, Y. (2002). Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. *Berkeley Journal of International Law*, 20, 600–620.

Поступила в редакцию: 01.12.2023

Received: 01 December 2023

Принята к публикации: 23.04.2024

Accepted: 23 April 2024